“Тогда зачем ты приняла яд…! Ты что, не понимаешь, что это опасно?”

Киллиан чувствовал себя так, словно у него вырвали внутренности.

Он не мог понять, зачем кому-то делать что-то подобное, если это могло причинить такую боль.

Но Эдит сквозь слезы настаивала, что она этого не делала.

“Это была не я!”

Странно, но ему казалось, что он снова и снова выслушивает ее доводы о невиновности.

‘Если ты так непреклонна в том, что не делала этого, даже перед лицом доказательств, я сомневаюсь, что ты действительно это сделала. Но если не ты, то кто это сделал!’

Словно пытаясь скрыть слезы посреди таких подозрений, Эдит, укрывшись одеялом, сказала усталым голосом,

“Если тебе нечего сказать… возвращайся”.

Тогда Киллиан понял.

Эдит не смотрит на него.

Она ничего от него не ждет.

Она всегда так делала.

Это почему-то разозлило Киллиана.

‘Почему бы тебе просто не рассказать мне все и не держаться за меня! Неужели ты не понимаешь, что я единственный, кто может помочь тебе прямо сейчас, или я недостаточно надежен?’

Он не был уверен, был ли это гнев или что-то еще. Он не был уверен, было ли это направлено на Эдит или на него самого.

Он хотел сказать что-то еще, но не смог найти слов.

Он мог только стиснуть зубы и уйти, не испытывая ничего, кроме неопределимых чувств к Эдит…

***

Именно Лизе спасла меня.

“Эдит не могла этого сделать”.

“Но это тот же яд, который она съела!”

“Эдит говорит, что не знает. Если она действительно хотела подставить меня, почему она сказала, что просто немного подавилась, как только проснулась?”

“Должно быть, она думала, что это придаст ей невинный вид”.

“Почему Эдит, дочь графа и уже жена Киллиана, вообще хотела причинить мне боль? Это не имеет смысла”.

Казалось, это был своего рода аргумент, но на мнение Лизе не могла повлиять семья Людвиг, которая не могла сказать: “Потому что Киллиан любит тебя!” вслух.

А потом она уколола их совесть своими словами.

“Эдит сейчас плохо себя чувствует. Жестоко заставлять ее делать то, в чем она не уверена. Она всего лишь юная леди, моего возраста!”

В конце концов, семья Людвиг отступила.

Они считали меня виновницей, но из уважения к мнению Лизе не стали наказывать меня или возлагать на меня ответственность.

На самом деле, что меня больше всего заинтересовало, когда София сказала мне об этом, так это реакция Киллиана, но я не могла спросить ее.

В любом случае, теперь, когда Лизе вытащила меня из кризиса, я чувствовала себя немного виноватой за то, что так подозрительно относилась к ней.

В ней много сострадания к тому, кто чуть не обвинил ее в отравлении. В конце концов, она исполнительница главной женской роли.

Фактически, в оригинальной истории все заканчивается тем, что виновницей оказывается Эдит. Она извиняется перед Лизе и едва спасается от того, чтобы ее вышвырнули.

Я сама не принимала яд, но эта ситуация, созданная Софией, выставила меня виновницей.

Однако Лизе простила меня, хотя я и не извинилась, и я смогла вернуться к своей обычной жизни без дальнейших расспросов.

‘Да. Может быть, это из-за моей ревности она казалась мне такой подозрительной’.

Я пыталась не обращать на нее внимания, но постоянные сравнения и дискриминация бессознательно заставляли меня ненавидеть ее.

Теперь я могу понять, почему она, казалось, обвинила меня в утечке документов. С ее точки зрения, я была достаточно подозрительна.

‘Не может быть, чтобы главной героиней этого мира была мелкая злодейка вроде меня. Должно быть, я была слишком незначительна’.

Я была благодарна Лизе за то, что она спасла меня от этого. Если бы не она, я, возможно, была бы заперта в своей комнате еще на несколько месяцев.

Несколько месяцев было бы терпимо, но проблема заключалась в том, что у меня заканчивалось время до того, как у меня отвалится голова.

И София была со мной.

‘Я постараюсь поладить с Лизе’.

Я поклялась себе и осторожно спросила Киллиана несколько дней спустя, когда он зашел меня проведать.

“Что нравится Лизе...?”

“Почему ты спрашиваешь?”

“Ну, поскольку она спасла меня от ложных обвинений, я подумываю подарить ей что-нибудь”.

Глаза Киллиана блеснули, когда он посмотрел на меня.

Оглядываясь назад, я была немного удивлена, что Киллиан навестил меня.

Это приятно, но видеть, как ты делаешь то, чего обычно не делаешь, нервирует.

“Ну… наверное, это вышивка”.

“Вышивка?”

“Да. Она любит читать и вышивать. Если ты собираешься сделать подарок, я думаю, что вышивка - это правильный выбор. Есть из чего выбирать подарок”.

“О, понятно”.

Я ответила небрежно, а потом пришла в ужас.

Я чувствовала себя обязанной отплатить Лизе, но не потому, что это действительно что-то значило для меня.

Но даже на это повлиял ход оригинальной истории.

В оригинальной истории Эдит дарит Лизе набор иголок для вышивания в качестве “извинения”.

Конечно, с большим количеством яда.

‘Итак, что происходит?’

Оригинальная Эдит не настолько глупа, поэтому она не применяет смертельный яд.

Она применяет яд, действующий постепенно, и наблюдает, как Лизе становится все слабее и слабее, обеспечивая себе алиби.

‘Но в конце концов отравленную иглу для вышивания обнаруживает Клифф, который тщательно исследует все, к чему прикасается Лизе’.

Моя кровь иссякла, но Киллиан был так доволен сказав, что найдет для меня торговца-ремесленника.

Вскоре торговец, вызванный Киллианом, принес всевозможные товары для продажи.

“Как насчет этого, - сказал он, - набора тонких игл для вышивания. Я продал десятки таких наборов, и они настолько хороши, что люди, которые ими пользовались, рекомендуют их другим”.

Почему первое, что он предложил, была игла!

“Никаких игл!”

“Простите?”

“О, нет, это… этого слишком мало! Это подарок, он должен выглядеть так, будто имеет какую-то ценность. Ч-что это?”

Я быстро переключила внимание продавца на другие товары.

“О, это тоже отлично! Это набор ниток для вышивания, привезенных из королевства Суитан. Они сделаны из тончайшей кашемировой шерсти. У вас, должно быть, наметанный глаз”.

“Я возьму это!”

Там было так много цветов и так много ниток, это было довольно дорого, но я купила это и завернула сама, не думая, что это пустая трата денег.

‘Все будет в порядке, тебя не проткнут ниткой’.

Я не знаю, что бы сделала София, если бы я оставила это ей, поэтому я купила нитки, упаковала их и сразу отправилась навестить Лизе.

“Эдит, ты сейчас чувствуешь себя лучше? У тебя все еще плохой цвет лица…”

“Сейчас уже не так больно, более того… Я слышала, ты старалась изо всех сил ради меня, большое тебе спасибо”.

“Это вполне естественно, Эдит, ты всего лишь жертва”.

Видя, что она в первую очередь беспокоится о моем физическом состоянии, я искренне пожелала узнать ее получше.

“Это… немного, но это моя толика искренности”.

“Тебе не обязательно утруждать себя…!”

Лизе, казалось, удивилась, получив мой подарок.

Киллиан, сидевший в комнате Лизе, саркастически ответил: “Ты избавила ее от многих неприятностей, так что ты это заслужила, Лизе, просто оставь это себе”.

Он пришел и ждал меня заранее, потому что боялся, что я скажу что-нибудь грубое Лизе?

“Киллиан. Я знаю, что у вас с Лизе хорошие отношения, но с твоей стороны невежливо сидеть в комнате молодой леди”.

“Невежливо…?”

“Прости, Лизе. Мой муж немного, э-э, невежлив”.

Мой муж не знает, как вести себя с Лизе.

Лизе расхохоталась, а Киллиан недоверчиво ухмыльнулся.

Но настроение было неплохим. Этого было достаточно, чтобы убедить меня, что у нас могут сложиться хорошие отношения.

***

Но все обернулось не так, как я надеялась. Думаю, так бывает всегда.

Проклятый “поток оригинальной истории”, казалось, отчаянно пытался на этот раз сделать меня злодейкой.

Это было вечером, через несколько дней после того, как я подарила Лизе нитки для вышивания.

Внезапно моя дверь распахнулась, и ворвался Киллиан.

“Эдит Людвиг, что, черт возьми, ты наделала!”

Я была благодарна за его внезапное появление, так как София собиралась избить меня до полусмерти, но я не могла понять ни слова из того, что он говорил.

“Киллиан? Что происходит? Что случилось?”

Киллиан сделал паузу, услышав мой вопрос.

“Эдит. Ты же не собираешься снова сказать мне, что это не ты, не так ли?”

“Что? Ты должен объяснить мне, что происходит, прежде чем я смогу ответить!”

Грубо схватив меня за оба плеча, он сказал: “Лизе упала!”

“Что? Лизе? Почему?”

“Она отравилась, когда вышивала нитками, которые ты подарила ей”.

“Что…?”

На этот раз я была слишком ошеломлена.

Потому что это не могло быть правдой.

“Ни за что! Что ты имеешь в виду? Я купила эти нитки у торговца вышивкой, упаковала их на месте и принесла сама, и все это время к ним никто не прикасался!”

“Так ты никого не просила это делать? Что, черт возьми, ты сделала?”

В голове у меня помутилось.

Означает ли это, что поток оригинальной истории превратил обычную нить в отравленную, даже если я ничего не делала?

http://tl.rulate.ru/book/106397/3838728